

Дерзис
СМОЛА

Бертрис
СМОЛЛ

Неукротимая
красавица

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С51

Серия «Гарем Бертрис Смолл»

Bertrice Small

LOVE WILD AND FAIR

Перевод с английского *В. Д. Кайдалова*

Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

Публикуется с разрешения
Ethan Ellenberg Literary Agency (США) при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия).

Смолл, Бертрис.

С51 Неукротимая красавица : [роман] / Бертрис Смолл ;
[пер. с англ. В. Д. Кайдалова]. — Москва : Издательство
АСТ, 2019. — 576 с. — (Гарем Бертрис Смолл).

ISBN 978-5-17-102145-0

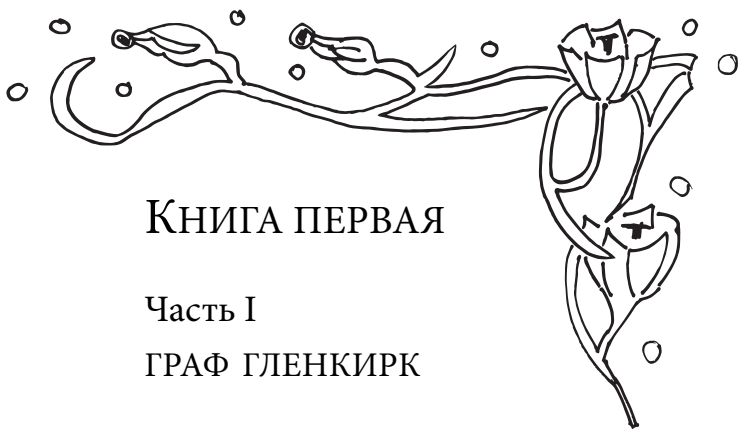
От заснеженных отрогов шотландских гор — к блеску и роскоши королевского двора Стюартов. От тихого уюта британских поместий — к изощренным интригам султанского Константинополя. Какие причудливые извивы судьбы и какие опасные приключения ждут прекрасную зеленоглазую шотландку Катриону Лесли за следующим поворотом? И кому из мужчин, готовых на все, чтобы обладать ею, отдаст она сердце? Мужественному знатному горцу — или элегантному придворному аристократу? Умному, искушенному турецкому паше — или обаятельному, но порочному королю?

Ранее книга выходила в русском переводе под названием «Любовь дикая и прекрасная».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-102145-0

© Bertrice Small, 1978
© Перевод. В.Д. Кайдалов, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

КНИГА ПЕРВАЯ

Часть I

ГРАФ ГЛЕНКИРК

ГЛАВА I

— Я бы хотела, — сурово произнесла Эллен Мор-Лесли, — чтобы вы не надевали бриджи, когда катаетесь верхом, мисс Катриона. Это же так неженственно.

— Но ведь это так удобно и практично, — возразила ей юная красавица. — Перестань браниться, Элли, или я отошлю тебя домой и тебе придется выйти замуж за того фермера, чья мамаша только об этом и мечтает!

— Ради всего святого, не надо! Уже молчу.

— Ладно, не бойся. Это просто шутка, — хихикнула хозяйка Эллен. — Если, конечно, сама не передумаешь. Он же вроде ничего, да и на ногах крепко стоит. Так почему бы и не выйти за него?

— Мне нужно, чтобы еще кое-что крепко стояло, а у фермера с этим как раз не очень! Ну, давайте снимайте же ваш верховой костюм! Фу! От него же несет как из конюшни! Вы же знаете, что сегодня вечером в честь вашего дня рождения на ужин придет граф. Не могу поверить, что вам уже пятнадцать лет. Я до сих пор помню ту декабрьскую ночь, когда вы родились.

Катриона со вздохом стянула костюм для верховой езды. Ей уже не раз приходилось слышать эту трогательную историю.

— Метель была ужасная. А как завывал ветер в ту ночь! — продолжила Эллен. — Старая графиня, ваша

прабабушка, настояла, что будет сидеть с вашей матушкой сама. Мне же тогда едва исполнилось семнадцать. Пусть я и была самой молодой у нас в семье, но, поскольку замуж не собиралась и рано вставать привыкла, моя бабушка поговорила со своей хозяйкой, вашей прапрабабушкой, и они решили, что я вполне гожусь в няни новорожденной. Старая леди Лесли, едва взглянув на вас, сказала: «Вот эта малышка и будет леди Гленкирк». Конечно же, когда она устраивала вашу помолвку, вы были едва прикрыты пеленкой. Если бы только она была жива! Вот порадовалась бы: вы выросли, замуж выходите, — но, к сожалению, она умерла следующей весной, а через несколько недель за ней последовала и моя бабушка.

Пока говорила, Эллен, не теряя времени, готовила ванну для молодой хозяйки. Бросив горсть ароматической соли в исходившую паром воду, она поторопила:

— Садитесь же, миледи. Все готово.

Большая дубовая емкость была поставлена перед камином, и девушка наслаждалась теплом, пока служанка терла ей плечи и спину. Потом Эллен принесла небольшой кувшин и вылила тонкой струйкой на густые волосы Катрионы золотистую жидкость, добавила воды и взбила сладко пахнущую пену. Дважды вымыв и ополоснув волосы, горничная обернула голову девушки полотенцем и помогла ей выйти из ванны.

Сидя у огня, завернутая в большую простыню, Катриона наслаждалась легкими движениями Эллен, которая расчесывала густую тяжелую гриву волос своей подопечной, пока они не заблестели. Скрепив заколками массу цвета темного золота, она жестом попросила девушку лечь и принялась массировать ее тело, предварительно умастив его светло-зеленой мазью, которую готовила ее мать Руфь. Когда с этим было покончено, Эллен протянула ей шелковое белье. Катриона уже была в нижней юбке и блузке, когда в комнату вошла ее мать.

В свои тридцать шесть лет Хизер Лесли Хей ничуть не утратила красоты и свежести. На ней было роскошное платье темно-синего бархата, отделанное золотистым кружевом; шею украшало редкое по красоте жемчужное ожерелье, которое, насколько знала Катриона, было приобре-

тено еще ее прапрабабушкой. Густые темные волосы почти целиком скрывал голубой с золотом чепец.

— Мы с отцом хотим поговорить с тобой до прибытия гостей. Как только будешь готова, приходи в наши покои.

— Да, мама, — покорно произнесла Катриона.

Когда дверь за матерью закрылась, девушка, почти не обращая внимания на действия Эллен, принялась размышлять, чего от нее хотят родители. Она единственная дочь, но в семье были и мальчики — ее старший брат Джейми, которому уже исполнилось восемнадцать, и трое младших братишек. Колину было двенадцать лет, а близнецам Чарли и Хью — по десять. Родители практически все время были заняты друг другом, так что дети росли под присмотром нянек и наставников. Ей самой пришлось планировать собственную жизнь едва ли не с рождения.

Все обстояло по-другому, пока была жива прабабушка. Катриона знала это совершенно точно. Для Джейми наняли нескольких учителей, но никому и в голову не пришло научить читать и писать Катриону, пока она сама не заявила наставникам, что будет учиться вместе с Джейми. Когда же удивленные учителя сообщили родителям, что их дочь куда быстрее усваивает материал, чем мальчик, ей было позволено присутствовать на уроках уже «официально». Естественно, она училась вместе с братом, но лишь до тех пор, пока Джейми не отправили в школу. После этого ей пришлось думать о дальнейшем образовании самой.

Для начала она настояла на том, чтобы для нее наняли преподавателя французского. Вскоре Катриона прекрасно освоила не только этот язык, но еще итальянский, испанский и немецкий, благо ее молодой учитель свободно на них говорил. Ее родители были прекрасно образованы и после двадцати лет брака сохранили и даже приумножили нежность и любовь друг к другу. Да, они не уделяли необходимого внимания своим детям, но это выглядело совершенно невинным и объяснялось одной лишь только беспечностью. Дети всегда были сыты, хорошо одеты и ухожены благодаря заботе слуг, гувернанток и учителей. Молодому хозяину Грейхейвена или его жене просто не приходило в голову, что их дети нуждаются в чем-то еще, кроме элементарных удобств. Мальчики чувствовали себя вполне уютно в атмосфере теплой заботы

прислуги, но подросшая дочь нуждалась в чем-то большем. Эллен Мор-Лесли понимала это и делала все, что от нее зависело, и все равно Катриона выросла своевольной и упрямой.

Внимательно взглядываясь в свое отражение в зеркале, девушка думала, как наконец встретится со своим суженым по прошествии нескольких лет. Гленкирку сейчас двадцать четыре, он окончил университет Абердина, а также побывал в Париже, много ездил по Европе и был даже некоторое время при дворе королевы Бесс в Англии. Катриона знала, что он красив, уверен в себе и учтив. Осталось только надеяться, что ей он придется по душе.

Разгладив темно-зеленый бархат платья, она отправилась к родителям. К ее удивлению, вместе с ними ее ждал и старший брат.

Прежде чем начать разговор, Джеймс Хей откашлялся, затем весьма серьезным тоном произнес:

— Как ты знаешь, ранее было решено, что после того, как тебе исполнится шестнадцать лет, ты выйдешь замуж за Гленкирку. Однако, в связи с преждевременной кончиной третьего графа этим летом и передачей титула молодому Патрику, церемония перенесена на Двенадцатую ночь*.

Пораженная этими словами, Катриона вскинула бровь.

— И кто это решил?

— Мы с графом.

— А я? Мое мнение что, никого не интересует? — В ее голосе звучал гнев.

— Но вы же были обручены семь лет назад, — удивленно проговорил сэр Джеймс. — Это практически решенное дело.

В голосе отца ей послышалось раздражение. Да, она не была нежным милым созданием, каким он хотел бы ее видеть, и постоянно выводила его из себя.

— Вы могли бы посвятить и меня в новые обстоятельства, а потом спросить, хочу ли я выходить замуж на целый год раньше намеченного срока! — воскликнула Катриона. — Так вот: я не желаю выходить замуж не только сейчас, но и вообще, в особенности за Патрика Лесли!

* Ночь с 5 на 6 января; завершает так называемые «двенадцать дней Рождества»: от Рождественского сочельника до Крещенского. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Но почему, моя дорогая? — в недоумении спросила Хизер. — Это прекрасный молодой человек, настоящий светский лев! Неужели ты не хочешь стать графиней?

— Да он просто гроза всех окрестных девиц, милая мама! С тех пор как дядя Патрик упал с лошади и свернул себе шею, а новоиспеченный граф вернулся домой, не проходит и дня, чтобы я не услышала очередной рассказ о его похождениях! По всей округе ходят легенды о его мастерстве в постелях, на сеновалах и под заборами! Не думала, что ты захочешь отдать меня за такого развратника!

Хозяин дома просто остолбенел от яростного взрыва чувств дочери. Джейми начал было смеяться, но тут же замолк под строгим взглядом матери, а сама Хизер сообразила, что, похоже, упустила что-то весьма важное в воспитании Катрионы.

— Оставьте нас одних! — обратилась она к мужу и сыну, а когда мужчины вышли, сказала дочери: — Присядь, дорогая. Ты что-нибудь знаешь о том, что происходит между женщиной и женщиной на супружеском ложе?

— Конечно, — в некотором недоумении произнесла Катриона. — Он вводит эту свою штуку в отверстие у нее между ног, а через несколько месяцев оттуда же выходит ребенок.

Хизер на минуту прикрыла глаза и подумала: «О, мое бедное дитя! В моей громадной и всепоглощающей любви к твоему отцу я совершенно забыла, что ты становишься женщиной, но ничего не знаешь о том наслаждении, которое испытывают любящие существа. Где мне найти слова, чтобы поведать тебе об этом?»

Справившись, наконец, с чувствами, она открыла свои фиалковые глаза, глубоко вздохнула и холодно произнесла:

— Ты отчасти права, но акт любви между женщиной и женщиной не обязательно заканчивается каждый раз рождением ребенка. Имеются способы предотвратить это, не лишая себя восторгов любви. Буду рада научить тебя всему еще до того, как ты выйдешь замуж.

Девушка была явно заинтересована, а мать между тем продолжала:

— Занятия любовью доставляют громадное наслаждение, Катриона.

— В самом деле? И каким же образом, мама?

Легкий оттенок презрения не ускользнул от внимания Хизер. «Великий боже, ну как мне это ей объяснить?»

— Тебя когда-нибудь целовали, дитя мое? Возможно, кто-нибудь из твоих кузенов во время наших приемов пытался украдкой?

— Ну да, кое-кто пытался, но я ему так врезала, что никто больше не осмеливался!

Хизер захотелось завывать в голос от разочарования.

— Но целоваться ведь так приятно, Катриона! Особенно когда тебя при этом еще и ласкают. Это просто восхитительно.

Катриона посмотрела на свою мать как на умалишенную.

— Брр! Да что может быть приятного в том, когда женщина и мужчина трутся друг о друга голыми телами?

От такого неприятия чувственных удовольствий Хизер едва не потеряла ход мыслей и самообладание.

— И тем не менее это так! Уж я-то знаю! Боже, Катриона, мне больно оттого, что ты совершенно не осведомлена в этих вопросах! Ты не имеешь никакого представления, что значит быть женщиной, и я чувствую свою вину. А замуж за своего кузена Гленкирка в Двенадцатую ночь ты все же выйдешь, как и планировалось. Вы прекрасно подходите друг другу — он замечательная партия.

— Я не выйду за него замуж, мама!

Хизер попробовала зайти с другой стороны:

— Тогда чем ты намерена заниматься?

— Есть и другие мужчины. Мое приданое позволяет мне выбирать.

— Только если речь идет о Гленкирке, моя дорогая.

Катриона не смогла сдержать удивления, и Хизер с облегчением подумала, что наконец-то завладела ее вниманием.

— Катриона, твое очень большое приданое предназначено только для Гленкирка. Так устроила моя мама. Если ты намерена выйти за кого-то другого, твое приданое будет весьма скромным.

— А что, бабушка не подумала о другом варианте: Гленкирк же мог умереть или просто отказаться от брака?! — выкрикнула в ярости Катриона.

— Если бы случилось что-то подобное, ты вышла бы за Джеймса. Мама мечтала, чтобы ты стала графиней

Гленкирк. К тому же нет никаких сомнений, что твой нареченный будет рад свадьбе. Пойдем, дитя. Патрик Лесли обязательно полюбит тебя, вот увидишь.

— А как же я? Что, если я не хочу выходить за него?

— Но решать не тебе, моя дорогая. Так что перестань хмуриться и пойдем встречать гостей. Твои кузины и кузены очень хотят пожелать тебе счастья.

О боже! Еще и это! Хорошо, что ее дяди Колин и Эван живут в Эдинбурге, а то пришлось бы возиться с целым выводком их детей. А остальные! С мальчишками-то она еще находит общий язык, но шесть жеманных девиц — это уже слишком!

Фиона Лесли, пышная, с темно-рыжими волосами, серыми, как бушующее море, глазами и красными пухлыми губами, осталась вдовой в девятнадцать лет. Бедный Оуэн Стюарт не смог выдержать испытание супружеского ложа. Следующей девицей в этой компании шла шестнадцатилетняя Джанет Лесли, которая весной должна была выйти замуж за брата Фионы, кузена Чарлза. Джен не могла скрыть своего восторга: ну как же — будущая графиня Сайтен! Глупая корова! Эйлис Хей уже исполнилось четырнадцать лет, и ей предстояло выйти за Джеймса Лесли, следующего брата Гленкирка, но не раньше, чем через пару лет. Бет Лесли было шестнадцать, но, обожая своего дядю Чарлза, она решила вскоре удалиться в монастырь, расположенный во Франции. Таким образом, она могла жить неподалеку от своей семьи, поскольку ее четырнадцатилетняя сестра была обручена с сыном дяди Дональда, Жаком де Валуа-Лесли. Последней в этой компании была маленькая Мэри Лесли, тринадцати лет от роду, которой через три-четыре года суждено стать женой старшего брата Катрионы — Джейми. Катриона очень надеялась, что к тому времени Мэри хоть немного поумнеет и перестанет глупо хихикать при каждом слове, произнесенном Джейми, хотя тот, похоже, не имеет ничего против.

Катриона вместе с матерью вошла в парадный зал и тут же оказалась в плотном окружении родственников. Ее поздравляли, желали здоровья и счастья. Ну как на них сердиться — ведь сегодня день ее рождения.

Внезапно Фиона произнесла своим хрипловатым кошачьим голосом:

— Кэт, дорогая, а вот и твой суженый. Разве она не выросла, Патрик? Посмотри: настоящая женщина.

Катриона гневно глянула на старшую кузину и тут же перехватила пристальный взгляд Патрика, графа Гленкирка. Его большая теплая рука поднесла ее тонкую кисть к губам.

— Кузина, — раздался его глубокий завораживающий голос, — ты всегда была очаровательной, но сегодня буквально затмила всех.

Положив ладонь Катрионы на свою согнутую в локте руку, он повел ее к возвышению на другом конце зала. Оставшаяся в одиночестве Фиона удивленно рассмеялась. Граф тем временем усадил невесту за главный стол и спросил:

— За что ты так сердишься на меня?

— Вовсе нет.

— Тогда хотя бы улыбнись мне, дорогая.

Она намеренно проигнорировала его просьбу, и граф почувствовал нарастающее раздражение. Когда с ужином было покончено и слуги унесли пустые тарелки, начались танцы. Граф разыскал свою тетушку и, уединившись с ней в тишине библиотеки, стал расспрашивать, что беспокоит девушку.

— Во всем виновата я, Патрик, — всхлипнула Хизер. — И очень сожалею. Ведь я, совершенно того не желая, оставила без внимания весьма важную часть образования Катрионы. В результате она лишена каких-либо чувств и холодна как лед.

— Говоря другими словами, моя милая тетушка, вы так были заняты своим мужем, что забыли любить Кэт.

— Но я люблю ее!

— А вы когда-нибудь говорили ей это? Обнимали и баловали ее, когда она была малышкой? Ребенком? Девушкой-подростком? Нет, тетушка. У вас просто не было времени для этого. Вы — с хозяином Грейхейвена — были заняты лишь тем, что проверяли на практике, как усвоили все те восхитительные штучки, которым вас научила ваша матушка.

Хизер покраснела до корней волос.

— Патрик! Что ты можешь знать об этом?

— То, что в свое время мне поведала моя мать, — усмехнулся граф. — В частности, она заверила меня, что моя невеста будет горячей и опытной. Вместо этого, тетушка, я должен отогревать эту ледяную девицу, которую вы предлагаете мне взять в жены.

12 гаете мне взять в жены.

— Она уже заявила мне, что не хочет замуж, — с горечью проговорила Хизер.

— Проклятье! — в негодовании воскликнул Гленкирк. — Может, просветите почему?

— Я не знаю, Патрик, — солгала Хизер. — Когда ей ее отец сообщил, что свадьба переносится со следующего года на Двенадцатую ночь, она пришла в ярость. Сказала, что никто даже не спросил ее мнения, а потом заявила, что это не имеет никакого значения, потому что за тебя она в любом случае не выйдет.

— А вы уже говорили с кем-нибудь о переносе свадьбы на более ранний срок?

— Мы собирались объявить об этом сегодня вечером.

— Тогда вот что, тетушка. Постарайтесь как-нибудь незаметно привести сюда моего дядю.

«Бедная маленькая Катриона! — подумал Патрик, когда дама отправилась выполнять его просьбу. — С самого раннего детства жила в своем собственном мире, которым никто не интересовался. Потом, совершенно не считаясь с ее мнением, за нее решают, когда должно произойти самое важное событие. Ничего удивительного в том, что она пришла в ярость».

Что касается других обстоятельств, то он задумался о них лишь мельком. Женщины рода Лесли по своей природе обладали взрывным характером, в их жилах текла горячая кровь, так что можно было не сомневаться, что Катриона непременно пробудится к чувственным удовольствиям и расцветет. Легкие победы ему наскучили, а временем он вполне располагал.

Джеймс Хей вошел в библиотеку вместе с женой.

— Приветствую, племянник! Что стряслось? Ради чего мне пришлось бросить гостей?

— Я думаю, дядюшка, лучше пока отложить оглашение даты нашей свадьбы с вашей дочерью. Катриона явно не в духе, и мне не хотелось бы ухудшать ее состояние.

— Девичьи глупости! Чепуха!

— А тетя Хизер была в таком же состоянии перед замужеством?

— Нет... — с некоторой заминкой произнес Хей, и глаза у него увлажнились. — Она не могла дожидаться заветного момента.

— Остается только позавидовать! Почему же вы хотите лишить меня подобного счастья?

— Мы с Хизер были... хорошо знакомы, — несколько смутившись, возразил дядюшка.

— Вот именно! — обрадовался граф. — Меня же не было здесь шесть лет. Катрионе еще не исполнилось и девяти, когда я уехал. Она совершенно меня не знает. Я пока что для нее как чужак, за которого ее против воли заставляют выйти замуж. Что может быть ужаснее перспективы разделить постель с незнакомцем! Поймите же это, дядюшка! Вы купаетесь в супружеском счастье. Дайте мне время завоевать вашу строптивую дочь, чтобы и мы могли насладиться таким же счастьем.

— Ладно! — подвел итог глава Грейхейвена. — Свадьба будет отложена на год. Но если она по-прежнему будет сопротивляться, все равно пойдет к алтарю!

— Согласен, — сказал Патрик. — Но вот еще что, дядюшка... Мы должны заключить соглашение. Даже если мои методы ухаживания покажутся вам странными или, скажем, жесткими, вы не должны вмешиваться. Прошу вас не забывать об этом.

— Да-да, — не стал спорить глава семьи, но Хизер почувствовала, как у нее по коже поползли мурашки.

Она с удивлением поняла, что Патрик уже любит Катриону. Возможно, любил еще ребенком. Сперва он будет ухаживать за ней нежно, но если это не сработает, он станет жестоким, чтобы добиться ее. «Ох, моя бедная невинная дочь. — Хизер вздохнула своим мыслям. — Я должна была научить тебя всему, что знаю сама, прежде чем нетерпеливый любовник сделает тебя своей».

От невеселых мыслей ее отвлек голос племянника:

— Я сам сообщу ей. Она не должна знать, что решение перенести свадьбу было нашим общим.

Когда Патрик вернулся в зал, Катриона танцевала с его братом Адамом: раскрасневшаяся и совершенно счастливая. Ему пришлось приложить массу усилий, чтобы не наброситься на нее, — столь велико было желание. После того как танец закончился, он чинно провел ее мимо семьи в относительную тишину алькова и сообщил:

— Поразмыслив, я решил, что ты права, — с женитьбой следует повременить. Когда я покинул Гленкирк,

ты была совсем маленькой девочкой. Сейчас же я вижу перед собой прелестную девушку, но ты совершенно не знаешь меня, поэтому предлагаю просто общение, чтобы у нас было время узнать друг друга.

Впервые за весь вечер Катриона улыбнулась ему.

— Вот это совсем другое дело! Но что, если мы не придемся по нраву друг другу?

Он вопросительно вскинул бровь.

— Ты что, храпишь по ночам? Или, может, ругаешься как сапожник, пьешь вино и предпочитаешь жевать бетель, как это делают на Востоке?

Она расхохоталась и отрицательно покачала головой.

— Любишь ли ты музыку, поэзию, мелодичное звучание иностранных языков? Любишь ли носиться верхом в туманной тишине весеннего утра или в свете луны осенним вечером? Восхищает ли тебя первый снегопад в начале зимы? Любишь ли ты купаться нагой в укромном месте реки в жаркий летний день?

— Да, — произнесла она едва слышно, и почему-то сердце ее забилось быстрее. — Да, мне нравится все это, милорд.

— Тогда, моя дорогая, у тебя нет шансов: ты непременно полюбишь меня.

Густые ресницы Катрионы цвета темного золота затрепетали над порозовевшими щеками, ниточка пульса на шее забилась чаще. «Мой первый успех! Кажется, лед тронулся!» — подумал Патрик и рискнул предложить:

— Скрепим наш договор поцелуем?

Светло-зеленые глаза секунду смотрели на него в упор, потом закрылись, и навстречу ему протянулись сложенные в розовый бутон губы. С трудом сохраняя серьезность, даже не улыбувшись, он коснулся их своими губами и мягко произнес:

— Благодарю тебя, Катриона. Это был твой первый поцелуй.

— Откуда тебе знать? — встrepенулась строптивница.

— Невинность не скроешь, любимая. — Он подал ей руку. — Пока достаточно. Позволь проводить тебя к родителям.

Когда они снова появились в зале, Хизер с облегчением отметила, что дочь больше не хмурится, а лицо племянника светится довольством. Он обязательно ее за-